

П.Н. Полевой

**История русской словесности с древнейших
времен до наших дней**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.Н. Полевой**
История русской словесности с древнейших времен до наших дней: Том 2 / П.Н. Полевой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 678 с.

ISBN 978-5-458-00963-8

ISBN 978-5-458-00963-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П. Н. Полевой.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО

НАШИХЪ ДНЕЙ.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Маркса.
1900.

ВОСЛИТАНИЕМЪ УКРОЩАЮТСЯ НРАВЫ

H. Labolz del.

L. Schlegel sc.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Екатерина Великая и ея вѣкъ.—Ея преклоненіе предъ господствующими философскими идеями XVIII вѣка.—Увлеченіе теоріей и разочарованіе на практикѣ.—„Наказъ“.—Планы воспитанія и народнаго образованія.—Значеніе литературной дѣятельности Екатерины и ея вліяніе на подъемъ литературы.—Литераторы, поэты и журналисты Екатерининскаго времени.—Наука и научное движеніе.

Есть имена въ исторіи, передъ которыми мы останавливаемся съ невольнымъ изумленіемъ... Мы можемъ гордиться тѣмъ, что въ нашей отечественной исторіи есть два такихъ имени, какъ бы взаимно дополняющія другъ друга, — какъ бы неразлучныя въ народной памяти: Петръ Великій и Екатерина Великая. Петръ—неутомимый и мощный работникъ на практикѣ и всеобъемлющій гений въ нагроможденіи самыхъ обширныхъ и разнообразныхъ теорій и плановъ, безпощадный къ себѣ и суровый въ своихъ требованіяхъ къ сотрудникамъ... Онъ прорубилъ „окно въ Европу“, онъ выводитъ Россію окончательно на тотъ путь единенія съ Европой, на который она и сама застѣнчиво и робко пыталась выступить... Екатерина, не менѣе Петра упорная въ достиженіи своихъ цѣлей, не менѣе Петра широкая въ своихъ замыслахъ, не менѣе его неутомимая въ трудѣ и нестошима въ его при-мѣненіи—гениально воспользовалась плодами трудовъ Петра и доставила Россіи то положеніе въ Европѣ, о которомъ Петръ могъ только мечтать... И держась своего чуднаго правила: „живи, и жить давай другимъ“, —она достигла такихъ изумительныхъ результатовъ своею женственною мягкостью, какихъ невозможно было бы добиться самыми суровыми карами и самыми жестокими взысканіями. Многіе изъ писателей, посвящавшихъ свои труды разра-

боткѣ русской литературы и общественной жизни въ Екатерининское время, какъ намъ кажется, относились черезчуръ сурово къ той реакціи, которая наступила въ послѣдніе годы царствованія великой Императрицы и привела къ печальнымъ результатамъ и къ незаслуженнымъ гоненіямъ. Въ отвѣтъ этимъ строгимъ порицателямъ Екатерины, мы можемъ привести только одно оправданіе: рѣдкое царствованіе, хотя бы даже и самое блестящее, но продолжавшееся болѣе тридцати лѣтъ, не имѣло своей реакціи, и, въ послѣдніе годы, по направленію своему, не уклонялось отъ первыхъ, начальныхъ годовъ; при этомъ напомнимъ еще, что рѣдкій вѣкъ въ исторіи вырабатывалъ такіе привлекательные нравственные идеалы, создавалъ такіа соблазнительныя теоріи, приманивалъ такими увлекательными утопіями, какъ восемнадцатый вѣкъ, — и послѣ всѣхъ этихъ утопій закончился страшною, неслыханно-кровавою трагедіею. Увлеченная идеями XVIII в. въ ранней молодости, Екатерина, по вступленіи на престолъ, въ лучшемъ возрастѣ женщины, предалась осуществленію своихъ идеаловъ со всею свойственной ей характеру энергіей — предалась искренно и горячо... Но можно ли было ожидать, что и тридцать лѣтъ спустя, — послѣ всѣхъ пережитыхъ ею испытаній и разочарованій, послѣ того паническаго ужаса, который навелъ на всѣхъ революціонный терроръ, — она останется и въ старости вѣрна своимъ молодымъ идеаламъ?

Идеалы Ен-
терны.

А идеалы были чудные, воспріятыя въ лучшіе годы юности, вычитанные изъ любимыхъ книгъ въ ту пору жизни, когда онѣ составляли лучшую, если не единственную утѣху безотраднo протекавшей юности. Изъ тѣхъ книгъ, которыя въ ту пору кружили головы всѣмъ образованныѣйшимъ людямъ Европы и, послѣ долгаго періода религіозной борьбы, пережитой Европою въ теченіе XVI и XVII вѣковъ, находили свободный доступъ ко всѣмъ сердцамъ. То были идеалы свободы, понимаемой въ самомъ обширномъ и самомъ возвышенномъ смыслѣ слова, идеалы равенства и братства, возвращавшіе людей къ золотому вѣку, уносившіе ихъ въ далекое будущее, когда остатки средневѣковыхъ стѣсненій, общественныхъ и сословныхъ, падутъ сами собою, а вмѣстѣ съ ними уничтожатся и всѣ препоны къ полному общественному благополучію.

Идеи XVII—
XVIII вѣковъ.

Начало этихъ идеальныхъ стремленій лежитъ далеко за предѣлами XVIII вѣка и за предѣлами той страны, въ которой они окончательнo развились и сложились въ форму соблазнительныхъ идеаловъ. Корни этихъ стремленій слѣдуетъ искать въ томъ сильномъ умственномъ движеніи, которое вызвано было во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ эпохою реформаціи съ одной стороны, а затѣмъ, съ другой — быстрыми успѣхами наукъ физико-

ЕКАТЕРИНА АЛЕУФЕВНА

Великая Княгиня Всероссийская

САТНАРІНА АЛЕХЕВНА

Magna Duc Russorum

Екатерина въ молодости, до вступленія на престоль.

математическихъ и естественныхъ, которые нашли себѣ истолкованіе въ опытной философіи Локка, и, расширивъ горизонтъ человѣческой мысли, раздвинувъ границы для наблюдательности человѣка, породили массу новыхъ идей, новыхъ воззрѣній, новыхъ понятій. Первоначальнымъ центромъ развитія новыхъ идей явилась Англія—отчизна Бэкона, Ньютона и Локка, за которыми слѣдомъ пошелъ цѣлый рядъ ученыхъ, философовъ и публицистовъ, писавшихъ въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка. Движеніе это представлялось, до нѣкоторой степени, противорѣчіемъ исторической дѣйствительности. Границы разума, повидному, расширились.

Критику разума хотѣлось примѣнить ко всему — къ религии, къ воспитанію, къ вопросамъ общественной жизни и нравственности, къ государственному строю,—а примѣнять оказывалось трудно, вслѣдствіе множества стѣснительныхъ условій. Въ этихъ стѣснительныхъ условіяхъ, кажется, и нужно искать объясненія тому, что новыя идеи, прежде всего, перешли въ тѣ страны, гдѣ болѣе свободныя условія жизни давали имъ возможность развиться и пріобрѣсти болѣе широкое распространеніе, а именно въ Швейцарію и Нидерланды. Распространенію ихъ по Европѣ, здѣсь, много способствовалъ и французскій языкъ, который былъ тогда еще гораздо болѣе общимъ во всей Европѣ, нежели нынѣ. И вотъ, въ Нидерландахъ поселяется одинъ изъ талантливыхъ представителей новаго направленія, Бэйль (Bayle), и здѣсь, въ концѣ XVII вѣка, печатаетъ свой знаменитый „*Историко-критическій Словарь*“, въ которомъ впервые начинаетъ свободно и независимо высказывать свои воззрѣнія на различные вопросы религіозные и нравственные, научные и государственные. Такой способъ изложенія своихъ взглядовъ на важнѣйшіе вопросы жизни и даже самый способъ изложенія ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, въ формѣ словаря, въ которомъ легко было подыскать необходимыя объясненія и отвѣты на то, что тревожило все общество—все это было новостью, и новостью заманчивою.

Энциклопедисты.

Ученія ближайшихъ послѣдователей „опытной“ философіи Локка пріобрѣли совсѣмъ иную окраску, когда проникли во Францію и нашли себѣ тамъ такого талантливаго истолкователя, какъ *Вольтеръ* (р. 1694 г., ум. 1778 г.), который былъ одинаково приятель, силенъ и убѣдитель въ стихахъ и въ прозѣ, въ сатирѣ и въ драмѣ, въ памфлетѣ и въ романѣ. Не отрицая Бога, Вольтеръ вездѣ старался выказать торжество разума надъ откровеніемъ, религіозными традиціями и церковными обычаями, и все—

даже самое дорогое сердцу своихъ соотечественниковъ (напр., народную легенду объ Орлеанской дѣвѣ) — подвергалъ безпощадному глумленію. Одновременно съ нимъ, другой, болѣе глубокой и болѣе сильный умъ, *Монтескье* (род. 1689 г., ум. 1755 г.) обращалъ все свое вниманіе на изученіе общественныхъ порядковъ и государственнаго строя человѣческихъ обществъ. Въ своей классической книгѣ, „*Духъ Законовъ*“, Монтескье разобралъ критически всѣ многообразныя формы правленія и впервые указалъ на государственный строй Англіи, какъ на образцовый. Вслѣдъ за этими двумя передовыми дѣятелями, выступили на то же поприще два талантливыхъ ученыхъ и литератора—*Дидро* (р. 1713 г., ум. 1784 года) и *Даламберъ* (р. 1717 г., ум. 1783 г.), — которые, далѣе и далѣе развивая идею англійскихъ философовъ о „религіи разума“, низвели ее до полнаго отрицанія божественнаго начала въ природѣ, а упрощая сущность нравственной философіи, дошли до самаго ограниченнаго и узкаго материализма. При такомъ взглядѣ на человѣка и его назначеніе, на природу и дѣйствительность, все представлялось каждому чрезвычайно яснымъ и понятнымъ: все — доступнымъ уму и достижимымъ волюю человѣка, которому вовсе не приходилось заботиться о своемъ нравственномъ совершенствованіи и о своей душѣ, а только о приобрѣтеніи возможно большаго количества свѣдѣній для развитія ума и о матеріальномъ благосостояніи въ этой, земной жизни, которою будто-бы все для человѣка оканчивалось. Дидро изложилъ свои воззрѣнія въ цѣломъ рядѣ сочиненій, надѣлавшихъ много шума; а затѣмъ затѣялъ издавать, вмѣстѣ съ Даламберомъ, „*Энциклопедію или объяснительный лексиконъ Наукъ, Искусствъ и Ремеселъ*“ (первые томы вышли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка), черезъ которую, главнымъ образомъ, они и думали, упрощая и выясняя свои идеи, распространить ихъ въ массѣ и способствовать проведенію ихъ въ жизнь. Давая всему новыя истолкованія и все стараясь примѣнить къ своимъ воззрѣніямъ, авторы „Энциклопедіи“, конечно, относились съ самою строгою критикою къ тому, что съ ихъ воззрѣніями не согласовалось, и не признавали никакихъ авторитетовъ, всюду выискивая поводы къ сомнѣнію и порицанію. Отъ заглавія своего изданія Дидро и Даламберъ, точно такъ же, какъ и ихъ сотрудники по „Энциклопедіи“, и ихъ многочисленные послѣдователи, получили названіе *энциклопедистовъ*. Многіе изъ нихъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, додумывались до возможности пропозировать величайшія крайности; одни (Ляметри) утверждали, что настоящее счастье человѣка можетъ быть основано только на удовлетвореніи чувственныхъ ощущеній; другіе (Морелли, въ своей книгѣ „*Code de la Nature*“—*Уставъ природы*) мечтали въ будущемъ объ установленіи строя новой жизни, въ которой не было бы соб-

ственности, такъ какъ всѣ имущества должны были принадлежать всѣмъ, всѣ должны въ равной степени трудиться на общую пользу, получать общественное воспитаніе и пользоваться всѣми правами самаго широкаго равенства.

М. Ж. Руссо.

Эти соблазнительныя идеи такъ бы, вѣроятно, и остались не болѣе какъ увлекательною проповѣдью, если бы, къ сожалѣнію, на крайнемъ Западѣ Европы не нашлась (именно во Франціи) такая почва, на которой подобныя идеи должны были упасть роковыми сѣменами и возрасти впоследствии страшною, бѣдственною жатвою. Франція, въ теченіе двухъ вѣковъ являвшаяся во главѣ европейской политики и просвѣщенія, законодательница роскоши и моды, школа изящества и общественности — въ сущности, переживала въ XVIII вѣкѣ весьма бѣдственный періодъ своего историческаго существованія. Безумная роскошь и страшная распущенность нравовъ преобладали въ высшихъ классахъ и въ духовенствѣ, которое нисколько не заботилось о просвѣщеніи народа, и, напротивъ, развивало въ немъ предразсудки и суевѣріе; народъ находился въ положеніи бѣдственномъ, подавленный непосильными налогами, казенными монополіями и всевозможными привилегіями дворянства; финансы были жестоко потрясены, а значительно ослабленная королевская власть была близка къ такому кризису, котораго никто не предвидѣлъ и не ожидалъ... Всѣмъ жилось тяжело и дурно; всякій жаждалъ переменъ, исхода, поворота къ лучшему будущему, потому что настоящее было невыносимо-тягостно. Понятно, что при такихъ условіяхъ, проповѣдь энциклопедистовъ и язвительная сатира Вольтера, разбивавшая, одинъ за другимъ, всѣ старыя кумиры — должны были дѣйствовать на умы потрясающимъ образомъ. А тутъ явился еще одинъ новый и сильный мыслитель, который сумѣлъ иначе приступить къ той же разрушительной работѣ. То былъ знаменитый *Жанъ-Жакъ-Руссо*, который, не увлекался идеями энциклопедистовъ, сумѣлъ найти болѣе короткій, болѣе простой, болѣе прямой путь къ намѣченной имъ цѣли. Тѣ видѣли спасеніе человѣчества въ усиленіи средствъ къ образованію, въ распространеніи просвѣщенія въ массѣ народа, въ возможномъ расширеніи границъ человѣческаго разума и просвѣтленіи его знаніями:—Руссо отвергъ это воззрѣніе, какъ заблужденіе. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій, написанномъ въ отвѣтъ на тему, заданную Дижонской Академіей („Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ?“), отвѣчалъ своимъ знаменитымъ панегирикомъ дикому состоянію человѣчества, когда оно было грубо, невѣжественно, но не испорчено; при этомъ онъ съ увлекательною убѣдительною доказывалъ вредъ цивилизаціи и указывалъ на необходимость возвра-

Екатерина въ первой половинѣ царствованія.

таться къ простотѣ и естественности первоначальныхъ человѣческихъ обществъ. Отвѣтъ молодого мыслителя на академическую тѣму былъ блестящимъ парадоксомъ, который обратилъ на себя общее вниманіе своею оригинальностью, и, вѣроятно, былъ бы вскорѣ забытъ всѣми, если бы Руссо не выступилъ съ новыми трудами въ томъ же направленіи, и на этотъ разъ произведенія его были настолько серьезны по тѣмъ вопросамъ, которые въ нихъ были подняты, что имя Руссо приобрѣло популярность и стало знаменемъ цѣлой школы его сторонниковъ. Этими послѣдующими произведеніями Руссо были его трактаты „*О причинахъ неравенства между людьми*“ и „*Общественный договоръ*“ (Contrat social). Въ первомъ изъ этихъ двухъ сочиненій онъ именно указываетъ, что главная причина неравенства между людьми есть неравенство развитія, которое дается образованіемъ; а такъ какъ неравенство есть зло и приводитъ къ множеству всякаго рода злоупотребленій, то и причина всего этого—образованіе—есть уже величайшее зло и излишняя роскошь. Чтобы избѣгнуть этого зла, Руссо предлагалъ пересоздать всю систему воспитанія юношества, и основать его на началахъ свободы, простоты и естественности отношеній. На началахъ этого новаго воспитанія, Руссо мечталъ о возможности создать новую породу людей, совершенно свободную отъ всякихъ вкоренившихся между нами пороковъ, предразсудковъ и суевѣрій. Въ другомъ своемъ сочиненіи (Contrat social), Руссо, на основаніи тѣхъ же идей, приходитъ къ новому воззрѣнію на государственнй строй и предлагаетъ его видоизмѣнить на основаніи естественнаго права массы къ преобладанію надъ меньшинствомъ; всѣ междулюДСкія отношенія онъ предполагалъ устроить заново, на основаніи высокихъ принциповъ полнаго равенства, и первый произнесъ страшное, по условіямъ того времени и общественному строю, слово о *верховенствѣ народа*... Въ заключеніе своей пропаганды, Руссо изложилъ всѣ свои идеи въ популярной и всѣмъ доступной формѣ двухъ романовъ: „*Новая Элоиза*“ и „*Эмиль*“. Мы знаемъ, какъ воздѣйствовала эта пропаганда на умы современниковъ во Франціи, знаемъ, какъ она была принята и истолкована, и къ какимъ результатамъ привела въ концѣ XVIII вѣка; но объ этомъ намъ еще придется говорить въ послѣдующихъ главахъ настоящаго періода. Здѣсь же, послѣ этого благого обзора идей, широко распространенныхъ въ современномъ обществѣ и неизбѣжно занесенныхъ также и къ намъ въ Россію, мы должны указать на отношеніе къ нимъ Екатерины и важнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей ея времени.

Екатерина II.

Екатерина II принадлежала, въ свое время, не только къ образованнѣйшимъ женщинамъ въ Россіи, но и въ Европѣ. Этимъ образованіемъ она была сама себѣ обязана, тѣмъ болѣе, что не